

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава тридцать третья

Люди временные

Высылка и пересылка

«Голову уткнув в мою шинель авиационного солдата, девушка из города Кинель «золотцем» звала меня когда-то...» Это первая строфа моего стихотворения, написанного в 1958 году. Поэт Владимир Корнилов подозревал, что Кинель у меня всего лишь для рифмы. Я спросил: «Если я тебе скажу, что там служил, ты поверишь, что не для рифмы?» Ему пришлось поверить.

В этот город в Куйбышевской области я попал из Польши. Ехал на вертолетное училище, а оказался на пересылке. Понятие «пересылка» у меня было связано с представлением о тюрьме. Наша пересылка тюрьмой не была, но внешне от нее не сильно отличалась. Колочная проволока, барак, называемый казармой, только потому, что предназначен для невольников в погонах. Койки в три яруса чуть ли не вплотную друг к другу. На тюрьму наша пересылка была похожа еще и тем, что свозили сюда людей, чем-то провинившихся за границей. Хулиганов, насильников и злостных самовольщиков. Но мы, высланные из Польши, Германии, Австрии и Венгрии, представляли собой преступников не реальных, а потенциальных и особого рода. Все до армии занимались в аэроклубах. Вскоре понятной стала причина. Оказывается, незадолго до нашей высылки служивший в ГДР авиамеханик, тоже научившись до армии кое-чему в аэроклубе, украл самолет По-2 и перелетел через реку из советской зоны оккупации в американскую. После этого ЧП начальство приняло решение: всех техников, механиков и прочих лиц наземного персонала, имевших хотя бы небольшое летное образование, отправить подальше от границ с западными странами.

Существенное отличие нашей пересылки от тюрьмы – то, что здесь в заборе дырки, сквозь которые можно уйти в самоволку. Целыми днями сидеть в казарме – тоска, а чем нас занять – начальство не знает и потому не очень нас сторожит. На КПП стоит часовая. За проход сквозь охраняемую им будку он отвечает, а пролезавший через забор в двух метрах от будки его не интересует. Практически все ходили каждый день в самоволку, в основном в местный клуб. В этом клубе на танцах я познакомился с молодой женщиной, которая мне сказала, что ее муж тоже служил в авиации в Польше, потом комиссовался и по дороге домой в Рузаевке попал под поезд. Я спросил у нее фамилию мужа. Как выяснилось, это был Коля Никандров, которого в 159-м полку я сменил на должности планшета. Тогда, наверное, первый раз я поверил, что мир действительно тесен. Молодая вдова собиралась второй раз замуж, а меня познакомила со своей подругой, как звали которую – не помню, а она звала меня «золотцем», что я и отразил потом в стихах. Мы с ней встречались возле клуба, потом я провожал ее до дома, где мы очень по-детски целовались, не

ГЕННАДИЙ НОВОЖИЛОВ

Несколько стройбатовцев встретили солдата, приехавшего из ГДР, и потребовали у него кожаный ремень. Тот снял ремень и пряжкой ударил одного из грабителей. Его свалили и стали бить ногами... В это время замполит читал нам доклад о Великой Октябрьской социалистической революции и ее исторических завоеваниях. Вдруг в «ленкомнату» вбежал кто-то из солдат: «Ребята, наших бьют!» Все вскочили и кинулись к выходу...

более того. Возвращаясь в часть, я проявлял крайнюю бдительность, а заслышав стук солдатских сапог, прятался. Здесь стоял строительный батальон, солдаты которого враждовали с составом нашей пересылки.

Мамаево побоище в годовщину Октября

Когда кто-то пытается объяснить взаимную нелюбовь соседних народов, я вспоминаю о вражде родов войск армии одного государства. Потребность в ненависти свойственна природе людей, и повод для вражды они ищут в отличиях себя от тех, с кем враждуют. Если нет различий в цвете кожи или волос, то иной колер погон тоже сойдет. Сухопутные испокон веков ненавидели моряков, в Шпротаве на нас недобрым глазом смотрели танкисты, а уж в Кинели местный стройбат (кавказцы и азиаты), отличаясь и кожей, и погонами, нападал на контингент пересылки регулярно.

Я прожил в Кинели недели две и стал свидетелем побоища, происшедшего в канун 36-й годовщины, как теперь принято говорить, Октябрьского переворота.

Все началось из-за ремня. Солдаты, служившие за границей, кроме нас, «поляков», носили кожаные ремни. У нас, как и в стройбате, ремни были брезентовые. Несколько стройбатовцев встретили у входа в клуб солдата, приехавшего из ГДР, и потребовали у него отдать ремень. Тот снял ремень и пряжкой ударил одного из граби-

телей. Его, естественно, свалили и стали бить ногами. Говорили, он оказался очень ловким, дернул за ногу одного из избивавших, тот упал, и его товарищи, не разобравшись в чем дело, стали бить и его. Криков его не слышали, потому что сами громко кричали. Тот же солдат из ГДР как-то выполз наружу и убежал.

У нас в это время был праздничный вечер: замполит в «ленкомнате» читал нам доклад о Великой Октябрьской социалистической революции и ее исторических завоеваниях.

Вдруг в «ленкомнату» вбежал кто-то из солдат:

– Ребята, наших бьют!

Все вскочили и кинулись к выходу.

– Стойте! Куда вы? – бестолково кричал замполит и пытался закрыть дверь своим телом. Его оттолкнули, вся орава ринулась через проходную за территорию пересылки и топчущим стадом побежала по городу. Ворвались в клуб. Там был антракт после первой части праздничного концерта. Народ толпился в фойе в очереди к буфету. Тут же был и директор клуба.

– Товарищи, в чем дело? – забеспокоился он.

Бежавший впереди всех перво-разрядник по боксу с ходу его нокаутировал. Тело директора совершило кульбит и сбило стол, с которого продавались напитки и закуски. Послышались крики, хруст ломаемой мебели, звон бьющейся посуды. Не найдя ни одного стройбатовца, наши своротили челюсти кому-то из штатских и, покинув клуб, рассыпались по городу в по-

исках обидчиков. Но беготня эта была только на пользу стройбатовцам: они здесь служили давно и город знали, а мы нет. Наши расколотились на группы, и одни вернулись в казарму, а другие все еще бегали по городу. Тем временем стройбатовцы прибежали к себе в часть, и дежурный офицер, узнав, что случилось, объявил тревогу и приказал раздать солдатам оружие. Стройбатовцы, теперь уже с карабинами, стали бегать по городу, часть наших вернулась в казарму, забаррикадировались и готовились к осаде. Под утро к проходной подползло странное существо – кусок кровавого мяса, в котором был с трудом узнан кто-то из солдат. Потом я слышал, что в ту ночь до полусмерти были избиты несколько стройбатовцев и человек около двадцати наших. Сколько точно, понять было невозможно. Мы здесь были люди временные, даже перезнакомиться не успели.

Сражение в ночь на 7 ноября 1953-го было воспринято командованием Приволжского округа как большое ЧП. В Кинель приехала комиссия из нескольких генералов. Стройбатовское начальство получило взыскания – кому выговор, кому задержка очередного звания, а офицер, раздавший оружие, был отдан под суд. Пересыльный пункт разогнали, и мы поехали в разные стороны. Я – сначала в штаб Киевского военного округа, а там получил направление в Ворошиловградское штурмовое училище.

«Помнишь, Володя?»

Из Польши в Кинель, а затем в Киев я странствовал с однокашником по шпротавской школе Вовкой Давыдовым, большим выдумщиком. Еще в самом начале нашей учебы в клубе он, окруженный восхищенными слушателями, рассказывал, как летал на планере и в критическую минуту покидал его с парашютом самым что ни на есть экстраординарным способом: не прыгнул, а высунул из кабины задницу, дернул за кольцо – и надувшийся парашют выдернул его из кабины. Таким способом летчики горящих истребителей и бомбардировщиков, бывало, спасали свою жизнь, хоть и рисковали, что им отобьет килем ноги или то, что мужчины особенно берегут. Это случилось крайне редко: во время войны или летных испытаний, когда самолету грозит катастрофа и уже не хватает высоты, чтобы прыгнуть более или менее нормально. Но чтобы такое случилось с начинающим планеристом – я себе представить не мог и сказал рассказчику, что он все врет. Тот сперва возмущился моим вмешательством, но, поняв, что я говорю со знанием дела, смешался и слушателей своих покинул. Когда мы оказались в одном классном отделении, а потом и в одном полку, Вовка при мне небылиц уже не рассказывал. Но фантазерское начало рвалось у него наружу. Однажды в Кинели он, сильно напившись, стал в пивной делиться с сидевшим с нами случайным собутыльником воспоминаниями о наших якобы подвигах в июне 1953-го.

– Помнишь, Володя, – обращался он ко мне, – как мы с тобой шли на бредущем прямо над их головами и крошили этих гадов из всех трех пушек: ды-ды-ды-ды...

Мне было неприятно слушать про «этих гадов». Но я не хотел разоблачать товарища и, сгорая от стыда, кивал головой и отворачивался.

Как я летал на реактивных самолетах

В Ворошиловграде я убедился в том, что меня обманули: ни на вертолетчика, ни на штурмовика мне учиться не светит. Хоть и попал в летное училище, но стал не курсантом, а механиком в ПАРМе, мастерской по ремонту самолетов Ил-10, реликтовых образцов поршневого авиации. Начальник ПАРМа, майор, держался с нами, как начальник цеха с рабочими, соблюдение минимума каких-то военных правил его тяготило. Здесь я проработал всю зиму, которая оказалась необычно суровой. Я дважды обморозился. Ухо и щеку отморозил, когда нам при минус 33 устроили лыжный кросс, и потом руку – когда контрил (закреплял проволокой) какую-то труднодоступную гайку.

Работали мы на свежем, слишком свежем воздухе, греться ходили в передвижной, на полозьях, домик, где печку топили снегом, пропитанным бензином. Вообще бензином пользовались широко. Не только мыли им руки, но даже гимнастерки стирали в бензине. Окраина города, где находилось училище, называлась Острой могилкой. Недалеко была пивная, куда я часто заглядывал, благо мне все еще платили мои 300 рублей. Там я однажды уподобился Вовке Давыдову, но не из бахвальства, а по другой причине. Сидел за столиком один, потом ко мне подсел двою простецкого вида, один из которых сразу принялся расспрашивать, кто я такой, откуда, кем служу и летаю ли. Я уже подвыпил, но не настолько, чтобы себя не контролировать, и сказал, что летаю. Он спросил, на каких самолетах, не на реактивных ли. Я сказал, что на реактивных (которых в Ворошиловграде не было).

– А какая у ваших самолетов скорость? – допытывался тот.

– Большая, – сказал я, прикидывая, не дать ли ему кружкой по голове. – Скорость у них такая, что вжик – и нету.

– А реактивные снаряды на них есть?

– А как же! Конечно, есть.

– А какого калибра?

– Крупного, – сообщил я, соображая, что одного, допустим, кружкого удара, а второго могу не успеть.

Я вышел из пивной, якобы по малой нужде. Прямо у крыльца увидел милиционера, которому сказал, что внутри сидят люди, интересующиеся скоростями боевых самолетов и калибрами реактивных снарядов. Милиционер зашел вместе со мной в пивную, разглядел сквозь табачный дым моих собеседников и сказал: «Да это наши...»

До сих пор я не представляю, из какого ведомства были те двое. Военные контрразведчики или «штатские» чекисты? А милиционер, назвавший их «нашими», был тоже из них? Или в милиции была своя чекистская служба?.. Так или иначе, это произошло в субботу. А в понедельник, проводя с нами очередное политзанятие, начальник ПАРМа сказал что-то о дисциплине, как ее надо соблюдать, как нельзя нарушать. «А вот некоторые, – сказал он, – ходят в самоволку, пьянствуют и рассказывают, как они летают на реактивных самолетах». При этом он на меня не смотрел и потом ничего плохого мне не сделал. Я решил, что мне самоволку простили за то, что я проявил бдительность: военной тайны не выдал и милиционера позвал.

Продолжение следует

21

№ 188
(1826)

14
октября
2005

РОМАН И ГАЗЕТА

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Войнович
Ворошиловград
14.10.05